

Глава 20

Хижина Юй Цинцюаня стояла за городской чертой. Четверо путников добрались туда под покровом глубокой ночи.

Небо заволокли тяжелые, плотные тучи. Тонкий, бледный серп луны едва просвечивал сквозь мрачную пелену, почти не давая света. В такую темную ветреную ночь хорошо творить темные дела — самое время для убийства.

Хуа Тянь невольно вздрогнул. Не будь рядом спутников, он ни за что не отважился бы явиться сюда в одиночку.

Трое его товарищей выглядели сосредоточенными и суровыми; никто не проронил ни слова.

Посреди бескрайнего, заросшего поля сиротливо ютилась полуразвалившаяся глинобитная лачуга — точно утлый челн в бушующем океане. Вокруг нее колыхался под ветром сухой бурьян в половину человеческого роста, отбрасывая в блеклом лунном свете зыбкие, колеблющиеся тени.

Укрывшись в зарослях, спутники заняли удобную позицию. Отсюда ветхий домик и двор перед ним были видны как на ладони.

В глухой тишине Хуа Тянь вдруг ошарашил всех заявлением:

— Мне приспичило.

— Терпи, — процедил сквозь зубы Лань Цзыцзюнь.

— Да не могу я больше! Я быстро, туда и обратно. — Хуа Тянь развернулся, чтобы уйти, но Лань Цзыцзюнь крепко схватил его за рукав.

— Нельзя. Спугнешь змею, — Лань Цзыцзюнь из последних сил сдерживал раздражение.

— Ну тогда я прямо здесь все сделаю, — пожал плечами Хуа Тянь и принялся развязывать пояс.

Терпению Лань Цзыцзюня пришел конец:

— Да ты, твою мать...

Договорить он не успел, да и Хуа Тянь не успел скинуть пояс — неподалеку раздался тихий, дурашливый смешок.

— Тсс! — одновременно шикнули Цзянь Цзянь и Чжун Ли.

Стычка мгновенно прекратилась. Все четверо замерли, затаив дыхание, и уставились на дом.

Из дверей, ковыляя, вышел седовласый Юй Цинцюань. Он неуклюже плюхнулся прямо на землю и глупо заулыбался, глядя на зажатую в ладони мелочь. Это была милостыня, которую он выпросил за день; каждую ночь перед сном он обязательно доставал монеты и бережно пересчитывал их.

Одет он был в неопрятные лохмотья, из прорех которых клочьями лезла грязная вата. Спутанные, засаленные волосы сосульками свисали на лицо. Даже издали было видно, насколько уродлив этот калека: кривые зубы торчали наружу, из-за чего рот его казался вечно полуоткрытым.

— Да он же просто нищий, — тихо шепнул Чжун Ли.

— И, кажется, совсем убогий, — добавил Цзянь Цзянь.

Глядя на жалкого Юй Цинцюаня, Хуа Тянь лишь укрепился в своих подозрениях и пробормотал:

— Кому взбрет в голову нанимать убийцу для слабоумного побирушки? Либо у заказчика самого крыша поехала, либо наши догадки верны.

— Тише, кто-то идет, — предостерег Лань Цзыцзюнь.

Спутники прикусили языки и вгляделись во тьму еще пристальнее.

Силуэт приближающегося человека казался мощным и крепким — очень похож на Линь Бяо. Все четверо невольно пригнулись ниже.

Линь Бяо медленно подошел к Юй Цинцюаню и остановился в тени, наблюдая. Разглядеть в сидящем на земле убогого дурачка не составило труда, и на лице убийцы отразилось явное недоумение.

Проигнорировав безумца, он первым делом заглянул в лачугу и тщательно обыскал ее изнутри и снаружи. Не найдя никого другого, он нехотя вернулся к калеке и грубо спросил:

— Где Юй Цинцюань?

Тот, хоть и был не в себе, имя свое разобрал. Он расплылся в глупой улыбке, обнажая желтые зубы:

— Хе-хе, так это я!

Только теперь Линь Бяо поверил. Совершенно не таясь, он вытащил широкий клинок и принялся неторопливо протирать его прямо на глазах у калек.

Юй Цинцюань же, не чуя беды, подполз ближе и робко потянул убийцу за край плаща. Протянув свою щербатую плоску с медяками, он жалобно заканючил:

— Добрый господин, сжальтесь над несчастным! Подайте хоть медный грошик, хоть два, мне и того на радость...

Закончив возиться с оружием, Линь Бяо посмотрел на юродивого и тяжело вздохнул. Он залез в кошель, выудил пригоршню медных монет и небрежно бросил их в чашку нищего.

Звонкий металлический стук отчетливо разорвал ночную тишину и долетел до ушей затаившихся наблюдателей. Хуа Тянь словно ледяной водой окатило — он вдруг отчетливо понял, что произойдет в следующее мгновение.

— Прости, братец, — негромко бросил Линь Бяо. — Эти деньги тебе пригодятся уже на том свете.

Взмах руки — и сверкающее лезвие со свистом рассекло воздух.

Хлынула темная кровь. Голова Юй Цинцюаня отлетела в сторону и покатилась по примятой траве. Удар был нанесен так молниеносно, что несчастный даже не успел испугаться — на его безжизненном лице так и осталась застывшая улыбка детской радости от полученного подаяния.

«Нет!» — беззвучно закричал Хуа Тянь, порываясь вперед, но Лань Цзыцзюнь вовремя зажал ему рот ладонью.

— Каждому предначертан свой час, — сурово шепнул он на ухо юноше. — Не лезь не в свое дело.

Хуа Тянь не стал вырываться. Да и к чему спорить? Человек уже мертв, теперь ни криками, ни слезами его не вернуть.

Хуа Тянь осторожно убрал руку Лань Цзыцзюня и отполз чуть глубже в заросли, не в силах смотреть на обезглавленное тело.

— Владыка ада, не принимайте близко к сердцу, — неумело попытался подбодрить его Чжун Ли, делясь собственным горьким опытом. — Пройдет пара лет, и вы привыкнете. Начнете относиться к смерти проще.

Хуа Тянь лишь слабо махнул рукой, показывая, что с ним все в порядке. Чжун Ли послушно замолчал и снова повернулся к хижине.

Пока на душе скребли кошки, Хуа Тянь почувствовал, как кто-то робко потянул его за пояс.

Движение было столь легким, что поначалу он принял его за дуновение ветерка, но, опустив руку, наткнулся на чужую ладонь — теплую и удивительно мягкую.

Это прикосновение подействовало на него как спасительный глоток прохлады в удушающий летний зной. Хуа Тянь инстинктивно переплел свои пальцы с чужими, крепко сжимая ладонь и не желая отпускать.

Рука оказалась на редкость послушной. Хотя ладонь ее обладателя слегка взмокла от волнения, он не сделал ни единого движения, позволяя Хуа Тяню искать у него утешения. Лишь спустя долгое время Хуа Тянь наконец поднял глаза на своего спасителя и наткнулся взглядом на плотную черную вуаль.

Молчание затянулось. Наконец Хуа Тянь тихо, с хрипотой в голосе, произнес:

— Спасибо тебе, Цзянь Цзянь.

Юноша явно не ожидал услышать благодарность от Владыки ада, да еще и без видимой на то причины. Он мгновенно занервничал, поспешно высвободил ладонь и принялся испуганно махать руками.

Даже сквозь плотную ткань вуали и толстый слой пудры Хуа Тянь отчетливо представил, как тот сейчас смущен и растерян — точь-в-точь напуганный котенок. Тоскливые мысли разом улетучились, уступив место привычному желанию подразнить беднягу.

Он легонько щелкнул Цзянь Цзяня по лбу и с улыбкой спросил:

— А чего это ты на колени не падаешь, как обычно?

Цзянь Цзянь, и без того сидевший на земле, окончательно растерялся. Принять подобающую позу в таком положении было крайне затруднительно, и он лишь беспомощно заерзал, не зная, куда деть руки.

— Ну точь-в-точь котенок, — хмыкнул Хуа Тянь и ласково ущипнул юношу за нос прямо сквозь вуаль.

Эта короткая шалость помогла ему прийти в себя. Оставив смущенного спутника, Хуа Тянь бесшумно подполз обратно к Лань Цзыцзюню, готовый продолжить наблюдение.

Лань Цзыцзюнь, изо всех сил гревший уши во время их воркования, вздрогнул и поспешно сделал вид, будто полностью поглощен делом, когда Хуа Тянь хлопнул его по плечу.

С напускным безразличием он достал из широкого рукава компас поиска душ и направил его в сторону окровавленного тела.

Стрелка этого прибора была увенчана крошечной драконьей головой, чей взор всегда безошибочно указывал на местонахождение бесплотных сущностей. Подобных вещей в Поднебесной насчитывались тысячи, но компас Лань Цзыцзюня являлся истинным шедевром. Вырезанный из чешуи древнего божественного дракона, за бесчисленные эпохи он вобрал в себя чистейшую духовную энергию мира. От его ока не могла укрыться ни одна душа.

Стрелка на медном диске мелко задрожала и замерла, указывая точно на труп.

— Душа вот-возле тела, она скоро отделится от плоти, — вполголоса произнес Лань Цзыцзюнь.

— Значит, скоро объявится тот, кто за всем этим стоит, — процедил Хуа Тянь, не сводя глаз с места убийства. Он твердо вознамерился покарать негодяя и восстановить справедливость.

Вдруг из ночного тумана бесшумно соткался темный силуэт. Незнакомец двигался с невероятной, почти неестественной быстротой и в мгновение ока оказался возле обезглавленного тела.

Расстояние было небольшим, и Хуа Тянь сразу узнал его. Такое лицо и холодную отстраненную манеру держаться невозможно было забыть, увидев хотя бы раз.

— Это же тот музыкант с корабля, — прошептал Лань Цзыцзюнь.

Цзянь Цзянь и Чжун Ли согласно кивнули. Мелодия его флейты была настолько чарующей и печальной, что врезалась в память каждого из них.

Незнакомец, как и в их первую встречу, был облачен в простые черные одежды. В слабом лунном свете его бледное, лишенное красок лицо казалось маской, а сам он походил на неприкаянного призрака, блуждающего в глуши.

Вид окровавленного трупа не вызвал у него ни малейшего содрогания. Совершенно бесстрастно он приблизился к лежащей в траве голове Юй Цинцюаня. Достав из-за пазухи шелковый платок, мужчина аккуратно, стараясь не запачкать пальцев, убрал слипшиеся от крови волосы с изуродованного лица. Убедившись, что перед ним именно тот, кого он искал, незнакомец вновь полез в складки своих одежд.

— Это же Компас поиска душ! — едва слышно выдохнул Лань Цзыцзюнь.

В руках таинственного незнакомца действительно был компас, как две капли воды похожий на его собственный. Различались они лишь одной деталью: стрелку чужого прибора венчало изящное перо феникса.

Древние мастера, ковавшие артефакты, свято чтили закон гармонии инь и ян. Создав когда-то великий компас Дракона, мастер долго искал перо божественной птицы, чтобы сотворить ему пару — компас Феникса. Вдвоем они олицетворяли совершенный союз неба и земли.

После краткого объяснения Лань Цзыцзюнь спутники окончательно притихли, осознав, насколько опасный и могущественный заклинатель стоит перед ними.

Сверившись с показаниями компаса Феникса и определив, где находится отлетающий дух, заклинатель извлек из рукавов ритуальные принадлежности. Аккуратно разложив их прямо на траве возле тела, он обмакнул кисть в киноварь и сосредоточенно принялся выводить на желтой бумаге амулетов сложные, витиеватые символы.

Движения его были отточены до автоматизма. Закончив писать, мужчина резким взмахом руки подбросил талисман вверх. Бумага мгновенно вспыхнула призрачным, мертвенно-синим пламенем. Губы мага зашевелились, быстро изливая слова древнего заклęcia. Потусторонний свет озарил его бледное лицо, заставив наблюдателей содрогнуться от невольного страха.

Едва пепел догоревшего талисмана осел на землю, шепот заклинателя резко оборвался. Он замер, уставившись на мертвеца холодным взглядом.

В ту же секунду ледящий душу, полный нечеловеческой муки вопль прорезал безмолвие ночи. Так кричит смертельно раненый зверь перед смертью. Душа Юй Цинцюаня насильно вырвалась из плоти; полупрозрачный призрак заметался в воздухе, но не мог улететь, словно скованный невидимыми путами. Бесплотная тень в отчаянии молотила руками по воздуху, не в силах соприкоснуться с осязаемым миром, и в бессильной муке терзала саму себя. Это было поистине жуткое и жалкое зрелище.

Спустя несколько бесконечных мгновений полный ярости крик утих, и призрак нищего безвольно обмяк, растворяясь во тьме.

Оглушенные потусторонним воплем, наблюдатели лишь сейчас решились отнять ладони от ушей.

— Душа исчезла, — тихо произнес Лань Цзыцзюнь, глядя на свой компас.

Остальные придвинулись ближе. И верно — драконья головка на стрелке застыла, больше не указывая направления.

— Я мигом с ним разберусь, — Чжун Ли решительно положил руку на свой тяжелый сверток с оружием, готовый в любой момент ринуться в бой. Для него этот незнакомец уже был главным подозреваемым.

Хуа Тянь приятно удивился такой решимости. Чернокнижник у хижины явно владел грозными искусствами, но если Чжун Ли вызывался схватить его без колебаний, значит, у этого молчаливого воина действительно припрятано несколько тузов в рукаве.

— Не спеши, — остановил его Хуа Тянь. — Мы еще слишком мало знаем. Не стоит раньше

времени раскрывать себя.

Чжун Ли беспрекословно подчинился и отступил назад в тень.

И если у четверых затаившихся в бурьяне свидетелей от увиденного до сих пор по спине бегали мурашки, то таинственный заклинатель казался образцом невозмутимости. С самым будничным видом он собрал разложенные на земле инструменты, аккуратно спрятал их обратно в рукава и, словно ничего примечательного не произошло, бесшумно растворился в ночной прохладе.

Спутники молча проводили его взглядом, так и не решившись покинуть свое укрытие.

<http://bllate.org/book/18412/1796472>